

РА № 1444669

БИБЛИОТЕКА

VP

ОГОНЁК

№ 49

1951

Александр ЯШИН

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

Вологодская областная
универсальная научная
библиотека им. И.В.Бабушкина

ДАР ЯШИНОЙ
Н.А.

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 49

Александр ЯШИН

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК

С Т И Х И

Издательство «ПРАВДА»
Москва 1951

АЛЕКСАНДР ЯШИН

Александр Яковлевич Попов-Яшин родился 27 марта 1913 года в деревне Блудново (ныне колхоз «Красный пахарь»), Никольского района, Вологодской области. Получил педагогическое образование в Никольском педтехникуме и Вологодском пединституте. Был избран учителем. В 1935 году переехал в Москву, где окончил Литературный институт ССП имени Горького. С 1941 года — член ВКП(б).

Начало творчества А. Яшина связано с его активной работой в комсомоле и участием в коллективизации северной деревни. Первая книжка стихов — «Песни Северу» — вышла в Архангельске в 1934 году. Первая московская книга — «Северянка» (Гослитиздат, 1938). В 1940 году вышла поэма «Мать», посвященная борьбе нового со старым в вологодской колхозной деревне.

Отечественную войну А. Яшин провел во флоте, в основном в качестве политработника. Непосредственно участвовал в боях за Ленинград и Сталинград в рядах морской пехоты Балтики и на кораблях Волжской военной флотилии. Писал очерки, рассказы, стихи. Книга боевых эпизодов «Город гнева» печаталась осенью 1942 года в газетах Сталинградского фронта и в «Сталинградской правде». Стихи военных лет объединены в книге «Земля богатырей».

После войны опубликовал книгу стихов о родном колхозе «Земляки» («Советский писатель», 1946), поэмы «Сон Макара», «Ленину» и др.

Поэма А. Яшина «Алена Фомина» в 1950 году удостоена Сталинской премии второй степени.

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

В клубе, в цехе, в доме любом
Ваши снимки,
Ваши портреты;
И во всех уголках планеты
Образ Ваш народам знаком.

Мы Вас видим в кругу друзей:
На скамейке с Лениным в Горках;
С Вами Молотов,
Киров,
Горький...
Вот идете на Мавзолей,

Вот Вы с девочкой на руках;
Здесь Вы трубочку закурили.
Огонек — и тот на века
Фотографии сохранили.

В строгих рамках и под стеклом
В кабинетах и в классах школы
То задумчивый,
То веселый
За своим рабочим столом.

Вашей силою мы сильны,
В каждом — сердце героя бьется.
Вот мы видим Вас — полководца —
У победной карты войны.

Здесь над планом новых работ
Миллионы склонились с Вами.

Все поля окружим садами:
Светлый взгляд Ваш зовет вперед

На плотине, на полосе,
На линкоре
Иль на заводе
Вы всегда с народом,
В народе;
Неизменно родной для всех.

Первый друг, учитель, отец,
Гордость нашей большой державы,
Вы людского счастья творец,
Вечный свет большевистской славы!

ПЕРВЫЕ СТИХИ

— Начинайте! — приказал начальник,
Высадившись на берег с отрядом.
На костер поставлен первый чайник,
Первый груз немудрый сложен рядом.

Первая раскинута палатка,
Первая проторена тропинка.
Врезалась походная лопатка
В мякоть розоватого суглинка.

Далеко внизу осталась Волга,
Катерок под соснами качало.
Первого рабочего поселка
На горе положено начало.

Где-то отгружались пилорамы,
Шли водой бульдозеры и краны,
Тысячи машин не за горами,
Тысячи людей чертили планы.

А пока — топор да рукавицы,
Сухари да рыбные консервы,
И кругом непуганые птицы...
Всходит солнце...
День творенья первый.

Ночью в недостроенном бараке
Плотник с неожиданным волнением
На чертежной написал бумаге
Первое свое стихотворенье —
Первое на стройке сочиненье.

Рифмы шли из будущего сами,
Парень не выдумывал:
Плотина...
Котлован...
Портальный кран...
Турбина...
Электричество над Жигулями.

Ничего пусть не было покуда,
Но вставала стройка, как живая,
Явью вдохновенной, а не чудом,
С первых дней к поэзии взывая.

НА КОТЛОВАНЕ

Сразу жизнь большая началась.
Принимали со всего Союза
Сотни тысяч тонн металлогруза,
На дорогах усмиряли грязь,

За причалом строили причал
И жилье,
Но всем еще казалось,
Что строительство не начиналось,
Настоящий праздник не настал.

И когда на главный котлован
Три уральских великана встали —
Даже ростом люди выше стали,
Все объекты взяли встречный плат.

В летопись навечно занесли
Час, когда электроэкскаватор
Вскинул ковш, —
Так первая лопата
Поднимала раньше горсть земли.

Расступились доломиты скал...
Все, кто был при этом,
Шапки сняли.
Как присягу, каждый повторял:
— Начали, товарищ Сталин!

ПЛОТНИК

Для начала рассвело
Где-то в небе, на вершинах,
На высотах на орлиных,
В скалах ломких, как стекло,
А потом уже в долинах,
В рощах, в селах—
И пошло!

С ветерком откинув тень,
Улыбнулась солнцу Волга.
На строительстве поселка
Начался рабочий день.

Старый плотник принимал
Для бригады пополнение:
— Покажи-ка назначенье.
Что ты, братец, ростом мал?
Говоришь, прошел учење?
Говоришь, на «пять» сдавал?

Поглядим...
Откуда вы?
И, поднявшись с места, трое
К старику шагнули строем.
— С Дона!
— С Камы!
— Из Москвы!

— Стало быть, со всех концов.
Что ж, проверим молодцов.

— Есть еще в конторе друг,—
Досказал один с тревогой,—
Задержался по дороге...

У ребят в глазах испуг:
Знатный плотник смотрит строго, —
Не поймет, не примет вдруг...

И ребята говорят,
Что они теперь назад
Не вернутся. Есть причина:
Им сама страна вручила
На строительство наряд.

Бригадир отвел глаза,
Чтобы не расхохотаться:
— Значит, вас, ребята-братцы,
Не принять уже нельзя?!

Да и то — в далекий путь,
На такие новостройки
К нам не шлют кого-нибудь!
Видно, вы из самых стойких.

Я такими дорожу,
Ничего, что с виду — дети...
Ну, пойдете, покажу
Ваше место на планете.

И гурьбой они пошли
По тропинке вдоль опушки.

Груды вынутой земли,
Бревна, балки,
Доски, стружки,
Стрелы кранов вдалеке,
Жигули в цветном просторе,
Пароходы на реке,
Там, где скоро будет море...
Берегов крутой отвес...
И — как чудо из чудес —
В лязге, в выхлопах моторов —
Там, где скоро будет город,
Лес шумит,
Сосновый лес.

На холме у круглых пил
Захотелось задержаться.
— Каково, ребята-братцы? —
Новичков старик спросил.

И как будто распахнул
В голубое небо двери,
Показал им на сосну,
Глазом всю зараз обмерил
В вышину и в ширину.

Свежих запахов полна,
Птиц звенящих, солнца, ветра,
Может, на полкилометра
В небо вскинулась она.
— Это что стоит?
— Сосна.

— Верно! В нашем деле — мать.
Если ты с душой художник
И умелец, так сказать,
Из сосны все сделать можно.
Это надо понимать!

Тридцать лет я с ней дружу,
Не могу налюбоваться.
Вот о чем, ребята-братцы,
Для начала вам скажу:

Для неграмотных сосна —
Только дерево, картина,
А для нас гранит и глина,
Гипс и мрамор — все она.

У седого в бороде
Снова хитрая усмешка:
— Ну, начнем, не будем мешкать.
Топоры-то ваши где?

Значит, нету топоров,
Растеряли по дороге?..
Новички опять в тревоге:
Ведь не примет, будь здоров!

— Или, может, вы рубить
Электричеством хотите?
Как же с вами, братцы, быть?
А учились, говорите!

Плохо — раз не у меня.
Ну, теперь глядите в оба!
Будет вам сначала проба.
От сегодняшнего дня
Начинается учеба.

РОМАНТИКА

Юноша, окончив ФЗО,
Получил на Волгу направленье.
Провожала вся семья его,
Девушки смотрели со значеньем.

Говорили сверстники:
— Везет,
И везет же человеку в жизни!
Чуть из школьных вырвался ворот —
И уже на стройку коммунизма!..

Берег в грузах да сосняк густой.
Только начинается работа...
Ехал каменщик на гидрострой
И на мир смотрел, как с самолета,

Метил сразу в «короли» попасть...
Дали парню самое простое:
Кирпичи таскать да печи класть,
Как везде, жилье сначала строить.

Под обрывом топь да камыши,
Первый тракт в лесах едва проторен...
А из дому требуют:
Пиши
О дворцах, о чудесах, о море.

Не хотят минуты подождать.
И в обед, устроившись под елкой,

Начинает паренек писать
О звенящих проводах над Волгой.

...Атомные взрывы в Жигулях.
Раскаленная вода клокочет,
Ночи нет,
Дрожит вокруг земля...
Он иначе сам писать не хочет.

Сам поверил, срокам вопреки,
Что уже кладут бетон в быки,
Под ногами море заблестало
И вода соленой будто стала...

Так, бывало, парень в дни войны,
Только получив обмундировку,
Подержав учебную винтовку,
Видит героические сны
Про свои походы, про сноровку.

И, еще не испытав боев,
Как бывалый воин, сообщает,
Что сражается,
Что жив-здоров
И, как должно, всем того желает.

УЧЕТЧИЦА НА ЛЬДУ

Кажется, что трескаются горы,
До того погода холодна.
Из кабин не выходя, шоферы
Сыплют камень в проруби.
Одна
Девушка ведет промерку дна.

Ей кричит чернявый:
— Героиня!
Подними повыше воротник
Да смахни с лица колючий иней!..
«Героиней» окрестил шутник.

С вихорьком текут ручьи поэмки,
Ветер все живое леденит,
Наступают хмурые потемки —
Девушка с тетрадкой стоит.

Валенки, платок и полушубок —
Всю ее снежок запорошил.
Пальцы пижут, но застыли губы,
Думать можно,
Говорить нет сил.

С грохотом подходят самосвалы.
Как не рухнет под такими лед?!
Только ведь водители — бывалый,
Смелый и выносливый народ.

Сколько есть таких на гидрострое —
Знатных, знаменитых, боевых!
Вот они действительно герои,
Счастье просто — посмотреть на них.

Все они со стажем и умением,
А она пришла почти ни с чем...
С удивленьем, с гордостью, с почтеньем
Девушка относится ко всем.

Журналист подъехал на машине
И, на льду увидев самосвал,
Приоткрыл немного дверь в кабине,
Что-то в книжку наспех записал

И умчался по ветру обратно.
На нее приметно посмотрел.
Видно, тоже занятой и знатный:
Много ездить надо,
Много дел.

Кончим камень сыпать для банкета
Да умолкнут взрывы на горах,
И напишет он во всех газетах
О подрывниках, о шоферах...

Холодно. Невмоготу моторам.
А на льду мороз вдвойне остер.

Реже стали прибывать шоферы,
Разложили плотники костер,

Все геологи пошли погреться...
Ну, а ей-то можно иль нельзя?..
Завистью не тронутое сердце,
Ясные и чистые глаза!..

ПОЛЯ БАТРАКОВА

Поля Батракова полюбила,
И была со всеми так мила,
Что, казалось, если бы могла,
Всех своим бы счастьем наделила,
Всю бы землю сразу обняла.

Вечером гидрологи — в конторе.
Лица их обветрены, смуглы.
Все ребята, все девчата в сборе,
Заняты все стулья и столы.

Возвратившись с промысла в избушку,
Прочищает лесовик ружье,
А гидролог разберет вертушку,
Смажет снаряжение свое,

Полевые дневники разложит,
Цифровые обведет ряды,
Пересмотрит, свериг, подытожит
За день бухгалтерию воды.

Перетерла Поля все вертушки,
В печку дров с морозу принесла,
Вскипятила чайник и по кружке,
Как вина, подружкам налила.

Две газеты вслух перечитала,
Петь уговорила...
Что еще?
Что еще бы сделать, чтобы стало
Всем, как ей сегодня, хорошо?

Кажется: зима пошла на лето,
И у всех живущих в Морквашах
День и ночь,
С рассвета до рассвета
Соловьи должны греметь в ушах.

Кажется: на Волгу только выйдешь —
И сверкнет плотина под луной;
Новые созвездия увидишь,
Новый город-порт над крутизной.

А начальник партии сидит
И не видит, верно, и не знает,
Что уже и море подступает,
Бьет волной в береговой гранит.

Поля села рядом, замирая.
— Петр Петрович, что я вам скажу...
По секрету, Петр Петрович...
— Знаю!
— Петр Петрович, замуж выхожу.

— Знаю все. Недалеко до свадьбы?
— Да, теперь уже недалеко.
Только маме телеграмму дать бы,
А решиться как-то нелегко.

Напишите папе с мамой,
Что вы Юру знаете,
Очень уважаете,
И что против этой свадьбы
Вы не возражаете.
Ведь не возражаете?

Мы теперь от всей души
И на веки вечные
Полюбили Моркваши,
Стужи, ветры встречные,
Дали бесконечные,
Воды быстротечные
Да беседы у печурки,
Светлые, сердечные.

Над горою Лысою восход.
В избах начинается побудка,
И гидрологическая будка
На санях опять идет на лед.

И хотя у Поли выходной —
Начала со всеми собираться,
Даже ни минуты ни одной
Без подруг не хочет оставаться.

Лошадь оступилась в полыню,
А мороз под сорок,
И Полина
На нее набросила свою
Шубку — все же теплая овчина.

Растирала ноги ей платком,
А потом
(Гнедая все дрожала!)
Выпрягла из санок и верхом
С пол часа по берегу гоняла.

Как ей было страшно! —
В первый раз
На такое девушка решилась.
Ветер слезы вышибал из глаз,
Чуть сама в торосы не свалилась.

Щеки прихватило.
А она
Только хохотала да шутила.
Нет, поземка ей в лицо не била,
И мороза не было — весна!..

Поля Батракова полюбила.

В ГОСТЯХ У СЫНА

Что ни месяц — новый перевод
Сын отцу со стройки посылает.
Все село волнуется, гадает:
Где парнишка деньги достает?

Погордиться батьке не дадут,
Нет конца соседским разговорам,
Дескать, малый нынче без надзора...
Дескать, ФЗО — не институт,

Деньги сразу не текут рекой...
Даже письмоносец усомнился:
— На портнике разве что женился
Или на ученой на какой?..

И отец обиделся всерьез:
— Для женитьбы не настали годы,
Женишок покуда не подрос,
А неправдой жить — не той породы.

Нечего напраслиной пугать!..
Обижается, а сам тоскует:
Кажется, уже и сердце чует,
Что? — пока никак не разобрать.

И как только новый перевод
Поступил от сына —
Он в дорогу.
Ночь не спал, перемогал тревогу:
Вдруг сынок неправильно живет?!

— Вы к кому? — спросили в проходной.
— К Сомову.
— Вы кто ему?
— Родитель.
— У него сегодня выходной,
В общежитье, в клубе поищите.

Дали адрес и проводника.
Зря, наверно, старый волновался.
Наконец он разыскал сынка.
— Здравствуй, Ваня!
Вот к тебе собрался...

Видный стал парнишка:
В пиджаке,
В шелковой при галстукке рубашке,
Часики «Победа» на руке,
Авторучка на груди в кармашке.

Прежней меркой лучше и не мерь —
Смотрит прямо, стал годами старше.
— Так в каких же ты чинах теперь?
Сын ответил:
— Я электросварщик.

Хорошо, что выходной денек:
Можно только гостем заниматься.
Посудите, разве Ваня мог
Перед батенькой не покрасоваться!

Пропуск на строительство достал —
Лучше не придумаешь подарка! —
И давай водить по всем местам,
Где в три смены шла электросварка.

— Вот, — сказал он, — арматуру гнем,
Связываем в фермы и пакеты,
Свариваем
(Тут свои секреты!)
И на котлован передаем.

Взял мальчишка в руки электрод,
Будто грифель школьный рисовальный,
И проводит строчку:
— Это вот
Самый легкий шов, горизонтальный.

— Самый сложный потолочный шов, —
Объясняет сын.
Отец гордится:
Вот что значит парню поучиться, —
Сколько новых нахватался слов!

Искры с треском льются из-под рук,
Невслик, а руки золотые.
А какие чудеса вокруг:
Мотовозы, краны козловые...

Мимо шла гурьбою молодежь,
Словно с заседанья иль с ученья.
К сыну все относятся с почтеньем:
— Здравствуй, Сомов!
— Сомов, как живешь?

Только мастер Ваню пожурил:
— Что-то я тебя не понимаю,
Почему костюма не сменил?
Сын ответил:
— Я же отдыхаю.

Отдыхает!..
Третий час подряд
Швы кладет, меняя электроды.
Вот что значит трудовой породы!
Зря плохое дома говорят.

Гость об этом, правда, умолчал,
Но когда в квартиру воротился,
Сына вдруг по отчеству назвал, —
Даже сам немного удивился.

— Мать сказать просила: хорошо,
Что родителей не забываешь,
Денег понемногу посылаешь,
Если будут, посылай еще.

ЛОЦМАН

Еще не скоро ледоход,
Хотя синсет лед,
Еще не скоро проплывет
С верховьев первый плот.

И далеко до той поры,
Когда взбурлят яры
И станут поднимать пары
В затоке у горы.

Еще немало ждать, пока
В бетонные бока
Упрется матушка-река,
Как море, широка.

Ждать речникам невоготут
По суткам на посту,
На паромедах и в порту
Наводят чистоту.

И лоцман пополнения вод,
Как дня рожденья, ждет:
— Ведь это значит — поворот
Всей жизни настает.

Мы любим Волгу — волгари,
Здесь вырос, здесь умри!
Но море, что ни говори,—
Все ж море, чорт дери!

Размах не тот, что у реки,
И вот мы, речники,
Выходим сразу в моряки.
Нам все теперь с руки.

Поутру он, еще темно,
Спешит, закрыв окно,
С геодезистом заодно
На будущее дно.

Не вылезая из бахил,
Весною лоцман жил:
Все дно не просто изучил —
Излазил, исходил.

Здесь будет полая вода
С весны и навсегда.
Со всех пяти морей сюда
Начнут ходить суда.

И пусть не станет солона
Морская глубина,
Но трехметровая волна
Хлестать и здесь должна.

НЕПОГОДА

Только на закате инженеру
Вспомнилось, что дома ждет обед
Ливень льет и льет, не зная меры, —
Ни проезда, ни прохода нет.

Ветром плот разбило у причала,
На откосе затопило лес.
Котлованы надо рыть сначала,
Путь чинить —
И времени в обрез.

Без того мешают неполадки,
А потоки хлещут вкривь и вкось.
В небе людям нужные порядки
Навести пока не удалось.

В стороне под елью, как под крышей,
Путь отрезав мутному ручью,
Две иль три бригады ребятишек
Строят гидростанцию,
Свою!

Вымокли? —
Но ведь не ждет работа!
Холодно? —
Да нет, почти ничуть!
Хлопцам тоже досмерти охота
В будущее наше заглянуть.

Инженер по лужам, по ухабам
Подошел к строителям. Спросил:
— Чей проект?
— Да нашего прораба.
А его папаша научил.

Завтра утром станцию пускаем,
Волгарям погода не указ.
— Молодцы!
— И вам того желаем.
Только мы опережаем вас.

И, уже на взрослого не глядя,
Занялась своим толпа ребят.
— Вы теперь посторонитесь, дядя,
Хватит разговоров! — говорят.

Дома инженера у порога
Встретила жена и, как вчера,

Молвила сочувственно, с тревогой:
— Не обедать — ужинать пора!

А сынок — не он ли за прораба? —
Проворчал, усевшись за столом:
— Ты во всем опаздываешь, папа:
Мы вон завтра ток уже даем!

ПИСЬМО РОДИТЕЛЕЙ

Из-под Молотова на Волгу
Поступило письмо парторгу:

«Дорогой товарищ Суфтин!
Извините за беспокойство.
К вам с докукою стариковской
О сынке: он у нас один.

На участке взрывных работ
Под опекой партийной вашей
Николай Колонков живет;
Мы его папаша с мамашей.

Нас пугает судьба его.
В Коле наша жизнь и дыханье,
Свет и радость,
На одного
Все надежды и упованье.

Кончив школу прошлой весной,
Попросил он, чтоб к вам послали.
Мы ему перечить не стали,
Поезжай, мол, сыночек, строй!

Посмотри на больших людей
И себя покажи, как должно.
А самим-то было тревожно:
Не бывал ведь еще нигде.

И теперь вот письмо пришло.
Пишет Коля на три странички,

Что и трудно, и тяжело,
Что и холодно с непривычки,

Что театра нет под рукой,
Только камни да берег белый...
Алексей Фомич! Дорогой!..
За день вся душа изболела.

Не подумайте – сын у нас
Неплохой и неглупый малый,
Только из дому в первый раз,
И, наверно, тоскливо стало.

Бьем, товарищ, поклон земной
И хотим на вас положиться.
Как бы Коле не осрамиться,
Как бы он не ушел, дурной!

По душам потолкуйте с ним:
Разве легкой жизни искал он?!
Завсегда тяжело начало...
Будьте Коле отцом родным.

Мы в былые-то времена
О театрах не помышляли.
Ныне, видишь, какие стали:
Дай им сразу все да сполна!..

Да скажите: весной к нему
Сами выберемся...
С приветом!»
Улыбнулся партторг письму
И направил в ответ газету.

А в газете колин портрет
И статьи о героях стройки.
Папу с мамой на склоне лет
Не подводит сынок нисколько,
Волноваться причины нет.

Можно было б еще послать
Номерок из старой подшивки..

Были все-таки и ошибки,
Но к чему о них вспоминать:
Ведь заметки те устарели —
Коля их опроверг на деле.

В ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ НА ГИДРОСТРОЕ

По поселку в выходной
Шли под ручку муж с женой,
У нее вся грудь в медалях,
А у мужа ни одной.

Отовсюду — «Что такое?» —
Восклицания слышны.
За сословие мужское
Стар и млад оскорблены.

Что ж ты, брат Фома-Ерема,
Баба верх во всем берет?!.
Уж сидел бы лучше дома,
Не казался на народ.

Ребятишки зубы точат,
Просто ходу не дают,
Старики, и те хохочут,
Чуть поддайся — засмеют.

— Разведись! — кричат одни. —
Постыдись, жену смени.
— Подтянись! — кричат другие. —
Не срами своей родни!

И, до смерти смущена,
Тычет мужа в бок жена:
— Я ль тебе не говорила,
Надевал бы ордена!

Но у мужа свой резон,
Широко шагает он.
— Ты зато, как на картине,
Я опять в тебя влюблен.

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Жинке было невдомек,
Что такое вдруг случилось:
Очень смирный муженек,
А, скажите вот на милость,
Размахнулся — спасу нет:
И статьи о нем в газете,
И плакаты, и портрет,
И кино,
И все на свете.

Каменщик — и вдруг Героем
Стали звать на Днепрострое.

Не гадала, не ждала, —
Удивительны дела!
Выдвигают в бригадиры,
Выбирают в горсовет...
Только вот своей квартиры
Настоящей нет как нет.

И жена на муженька
Налегла исподтишка:

— Всем построил — нам не смог.
Иль плохой работник?
Иль сапожник без сапог,
Без квартиры плотник —
Все, как было в старину?
Слушать даже странно..

Кто откажет Бурмину?
Ждал он комнату одну —
Дали три да с ванной.
В окнах свет со всех сторон,
Солнце не уходит.
Есть и садик и балкон,
Всё — лицом к природе.
А с балкона, как с горы,
Взгляд в просторах тонет,
Степь, плотина и яры —
Все, как на ладони.

Переехали.
Жене
Все понравилось вполне.
Только мужу дом не в дом..
Сердце жинки чует:
О строительстве другом
Каменщик тоскует.

Он не долго тосковал —
На Амур путевку взял.
Ну, жена, конечно, в бой,
То ворчит весь день, то плачет,
Говорит, что, не иначе,
Ты смеешься надо мной.
Но в дорогу собралась:
Муж смирён,
А все же — власть.
«Власть» молчит себе да курит.
А попробуй возражать...

В Комсомольске-на-Амуре
Повторилось все опять.
Снова каменщик гремел.
Слава, слава бригадиру!

Здесь он в новую квартиру
И въезжать не захогел.
Укатил Бурмин с женой
На объект на номерной.
А потом другой объект.
Шли по всей Стране Советов
Стройки, стройки с первых лет.
Было ль где-нибудь на свете
Сразу столько строек?
Нет!

И не вспомнятся теперь
Дни семейного скандала,
Как жена, захлопнув дверь,
На строителя кричала:

— Не желаю кочевать!
Разве я семье квартиру

Не могу сама достать?
Будешь кладке обучать...
И не так легко понять,
Как пришли супруги к миру.

Много лет прошло с тех пор.
Бригадир на первый случай
Показал своей подручной,
Как замешивать раствор,
Как его на кельму брать,
Как стоять, — чтоб тоже знала.
Месяц, два — и жинка стала
Мастерство перенимать.

На четвертом этаже
Принялась сама за дело,
Увлекаясь, песни пела.
Об оседлости уже
Думать не хотела.

Каменщика Бурмина
Ныне знает вся страна.
Да не меньше и жену
За работу прославляют:
Широко на Волге знают
Каменщика Бурмину.

На высотах расписных,
Где, как мачты, бор сосновый,
Две бригады Бурминых
Воздвигают город новый.
Скоро будут заселять
Корпус «Д».
Вокруг газоны
И скамейки для влюбленных,
Клумбы — парковым подстать,
Даже свет — и тот зеленый.

— Ну, осядем, что ли, здесь? —
Как-то муж спросил. — Желаеть?
— Да, неплохо бы осесть...

— В чем же дело? Ты решаешь!
Ходит слух, что нам дадут
Нынче сразу две квартиры.
Так сказать, за честный труд:
Все же оба бригадиры.
Уж себе-то от души,
Верно, строила,
Навечно?
— Ну, себе, оно конечно!
Для других, небось, спешим...

И, как в детстве, озорна,
Засмеялась Бурмина:
— Искушаешь бригадира?
Мне квартира не нужна.
Есть уже,
И не одна:
Что ни город — то квартира.
В каждой кто-нибудь живет,
Но, чужие ли, свои ли,
Лишь бы только с пользой жили, —
Все советский, наш народ.

Ну, а мы достроим здесь
И уйдем.
Страна большая,
Планов столько, что не счесть...
— Вон ты, женушка, какая
У меня!
— Какая есть.

СОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ

С пристани на берег утром рано,
Озираясь, вышел паренек.
На фанерной крышке чемодана
Маленький побрякивал замок.

Голуби летают в Сталинграде,
Ласточки под крышей гнезда вьют.
Снова город в праздничном наряде,
И гудки над Волгою поют.

Снова есть и улицы и парки,
И прозрачны воздух и вода,
И, наверно, так легко и ярко
Не светило солнце никогда.

Из подвалов в новые квартиры
Люди навсегда переехали,
И шагает Улицею Мира
Из развалин поднятая жизнь.

Паренек смотрел и шел.
Отныне,
Может, в целом свете для него
Этой волжской славы и твердыни
Не было роднее ничего.

Все в цветах могилы за оградой.
Он, склонясь, перечитал подряд,
Словно книгу жизни Сталинграда,
Строгие фамилии солдат.

Может быть, в один из этих списков
Брат его навечно занесен,
Под высоким серым обелиском
С воинским салютом погребен.

Иль под темной танковою башней,
Поднятой теперь на пьедестал,
Он, всегда веселый и бесстрашный,
Лег костями и сам гранитом стал.

Распрямившись и раздвинув ветви,
Парень слезы обмахнул с лица...
Так приходит совершеннолетье
И мужают юные сердца.

По проспектам города-героя
Он в раздумье целый день ходил,
А потом в конторе гидростроя
Справки из колхоза предъявил.

В проходной случайному соседу
Объяснил, что прибыл в Сталинград
Потрудиться, закрепить победу,
Что ценою жизни добыл брат.

ВЗРЫВ

Проходчики встали рано.
Над Волгой темным-темно,
Созвездье большого крана
Еще смотрело в окно.

Лишь где-то очень далеко,
За линией хвойных круч,
Затеplился свет
Намекom
На первый солнечный луч,

Да резче вершины чащи
Отметили высоту,
Да голосистей и чаще
Запели гудки в порту.

Недавним бойцам не в диво
Гранит пробивать насквозь.
Такие ль на фронте взрывы
Устраивать довелось,

В таких ли горах!
Однако
Уже не первую ночь,
Как будто перед атакой,
Ребятам заснуть не в мочь.

И все-таки не гадали,
Что все последние дни,
Как праздника, взрыва ждали
Не только они одни

И что впереди саперов
К подножью издалека
Примчатся кинорепортеры
На крытых грузовиках.

Из ближних селений деды
Стояли толпой вдали,

Как на салют Победы,
Они посмотреть пришли.

Чуть только в лесу сосновом
Луч солнечный засиял,
И подал старшой
Не словом,
А взмахом руки сигнал,

И, как при землетрясенье,
Пошла оседать гора, —
Не выдержав напряженья,
Вскочили друзья:
— Ура!

— Ура! — закричали рядом
Бывалые шофера,
Как будто под Сталинградом
В дни памятных битв.
— Ура!

Пока еще грохот взрыва
До слуха не долетел
И дуб вековой с обрыва
Низринуться не успел,

— Ура! — подхватил с восторгом,
Как песню, начальник сам.
— Ура! — пронеслось над Волгой,
За Волгой
И по лесам.

И, верится, до столицы
Раскаты басов дошли,
До самой дальней границы,
До всех уголков земли.

В тревожную даль эфира
Врываясь живой волной,
Салюты труда и мира
Гремят над нашей страной.

И ПЫЛИ НЕ БУДЕТ

В седьмом строительном районе
Так все дороги растолкали,
Что тонут люди, ибо тонет
В почти космической пыли.
На перекрестках по колено
Косматые пуховики,
И, кажется, во всей вселенной
Ни моря нету, ни реки.
Как тут расти пшеница станет,
Когда все отдано огню,
Чертополох железный вянет,
Полынь сгорает на корню.
Раскалены песок и камни —
Босой ногою не ступи.
Но то, о чем народ веками
Мечтал, свершается в степи.
Во всеоружьи на природу
Пошел советский человек;
Он скоро даст ей лес и воду,
И пыль уляжется навек.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ СТАЛИНГРАДЦАМ

Еще у раздольев Волги,
На светлом ее берегу,
Окопы, воронки, осколки
Встречаем на каждом шагу.
Еще не закрылись раны
Недавних боев...
Но вот
Пришли многотонные краны
И время рванули вперед.
У маленького поселка,
К причалам грузы неся,
Опять запенилась Волга,
И новый поход начался.
Атаку ведем в три смены.
Нам силу дает народ.
Смотрите, люди вселенной,
Как коммунизм растет!

СОДЕРЖАНИЕ

Товарищу Сталину	3
Первые стихи	4
На котловане	5
Плотник	6
Романтика	9
Учетчица на льду	10
Поля Батракова	12
В гостях у сына	14
Лоцман	17
Непогода	18
Письмо родителей	20
В выходной день на гидрострое	22
Квартирный вопрос	23
Совершеннолетие	26
Взрыв	28
И пыли не будет	30
Поздравление сталинградцам	30

Редактор — А. СУФКОВ.

А 07451. Подписано к печати 20/X 1951 г. Тираж 150 000 экз. Зак. 2270.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.